

$\sqrt{\frac{117}{527}}$

2010517390

Желательная постановка религиозно-нравственного воспитания въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ м. н. просвѣщенія. *).

Излишне выяснять и доказывать значеніе религиозно-нравственныхъ принциповъ въ жизни чело-вѣка, какъ и значеніе воспитанія для его послѣдующей судьбы; всѣмъ извѣстно, что время юности—время сѣянія, а дальнѣйшіе возрасты—время жатвы, собиранія плодовъ,—что посеяно будетъ въ молодые годы, то и пожнется въ старости. „Дайте мнѣ въ руки воспитаніе, и я преобразую весь міръ“. „Кому принадлежитъ школа“, тому и будущность народа. „Покажи мнѣ твои школы, и я скажу твое будущее“. Эти афоризмы знаменитыхъ ученыхъ (Лейбницъ, Сталь) всѣмъ знакомы. Борьба и нескончаемые споры представителей различныхъ религіозныхъ и соціальныхъ теорій, клерикаловъ съ либералами за право господства въ дѣлѣ народнаго образованія на Западѣ, ревнивое охраненіе мусульманами, евреями, армянами своихъ школъ отъ всякаго сторонняго чуждаго имъ вліянія показываютъ, что великіе ученые не безъ основанія приписываютъ такое рѣшающее значеніе въ человѣческой жизни школьному воспитанію и образованію. Теорія и практика, наука и опытъ съ непререкаемой убѣдительностью свидѣтельствовали и свидѣтельствуютъ о

*) Докладъ законоучителя дворянскаго института Императора Александра II протоіерея Н. М. Архангельскаго, заслушанный въ засѣданіи Союза законоучителей средне-учебн. заведеній Н. Новгорода 26 ноября 1908 г.

могущественности средствъ, какими въ лицѣ разнообразныхъ учебныхъ заведеній старшія поколѣнія располагаютъ для полнаго и всесторонняго воздѣйствія на младшія въ области физической природы человѣка, какъ и во всѣхъ сферахъ духовной жизни—умственной, нравственной, религіозной, эстетической, особенно, если это вліяніе школы находитъ себѣ сочувствіе и поддержку въ семьѣ и окружающемъ обществѣ. Переживаемое нами время смуты, нестроений, ожесточенной борьбы разнообразныхъ партій, время переоцѣнки всякихъ цѣнностей и страшной путаницы и извращенности нравственныхъ понятій, съ усиленной настойчивостью выдвигаетъ на первый планъ вопросы о религіозно-нравственномъ воспитаніи и образованіи молодыхъ поколѣній.

Неисчислимыя жертвы изъ среды неопытной юности своими увлеченіями, паденіями, тяжкими страданіями, духовной и физической смертью громко взываютъ къ старшимъ воспитывающимъ поколѣніямъ о нравственной помощи, руководствѣ, спасеніи... „Научите, поддержите, помогите, спасите“... отовсюду изъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ слышались и доселѣ слышатся отчаянные вопли... Житейское море, всегда опасное своими волненіями, бурями, подводными мелями и скалами, за послѣдніе годы сдѣлалось страшнымъ и для опытныхъ, искусныхъ пловцовъ, не говоря уже о неопытной молодости, слишкомъ склонной поддаваться внѣшнимъ вліяніямъ и всякимъ вѣтрамъ отовсюду несущихся либеральныхъ идей отрицательнаго характера. Не откликнуться на эти скорбные и отчаянные вопли погибающихъ было-бы великимъ и тяжкимъ преступленіемъ. Чув-

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и орядковый	1985
4			130	14	20	525	000	

ство любви къ ближнимъ и сознаніе материнскаго долга въ отношеніи къ воспитывающейся юности нравственно обязываютъ учебныя заведенія прежде другихъ протянуть спасающую руку колеблющимся, изнемогающимъ въ непосильной борьбѣ, нравственно падающимъ, погибающимъ своимъ питомцамъ: на нихъ лежитъ священный долгъ ввѣренныхъ ихъ попеченію и заботливости дѣтей и юношей учить, вразумлять, наставлять на путь добра и правды, врачевать ихъ духовныя немощи, предохранять отъ увлеченій и всѣми возможными средствами содѣйствовать упроченію и облагороженію ихъ духовной жизни.

Высокія материнскія обязанности ея учебныхъ заведеній въ отношеніи къ воспитывающимся поколѣніямъ непосредственно вытекаютъ изъ самыхъ задачъ школьнаго образованія.

Въ министерскихъ правилахъ цѣль обученія вообще и гимназическаго въ частности опредѣляется симпатичными выраженіями молитвы предъ ученіемъ: чтобы питомцы заведеній „возросли умственно и нравственно Создателю во славу, родителямъ въ утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу“... Проникаясь все болѣе и болѣе духомъ Христова ученія, воспитанники всѣми силами своей души должны стремиться къ совершенствованію своему во всѣхъ отношеніяхъ, по слову Спасителя: „Будьте совершенни, яко же Отецъ Небесный совершенъ есть“. Благо и счастье воспитываемыхъ и воспитывающихъ поколѣній, какъ и всей отечественной страны, требуютъ, чтобы любовью и предусмотрительной заботливостью „питающей матери“ основныя истины Христіанскаго

вѣроученія были настолько глубоко и прочно обоснованы въ умахъ и сердцахъ питомцевъ, дѣтей, чтобы ни усилія своей критической мысли, вполне естественныя и даже неизбежныя въ жизни каждаго мыслящаго человѣка, ни внѣшнія влiянiя анитирелигiозныхъ, философскихъ и естественно—научныхъ теорiй не могли поколебать религiозныхъ основъ и идеаловъ христiанской жизни; чтобы, закончивши свое образованiе въ средней школѣ, молодой человѣкъ оставался вѣрнымъ своему христiанскому званiю и въ послѣдующей жизни возросталъ и совершенствовался въ области добра и правды, былъ радостью и утѣшенiемъ своихъ родителей, достойнымъ дѣятелемъ на пользу церкви и отечественной страны.

Практическое осуществленiе указанной цѣли школьнаго образованiя, очевидно, не есть и не можетъ быть дѣломъ единичнаго лица, отдѣльных какихъ-либо предметовъ школьнаго преподаванiя; это, очевидно, задача всего учебнаго заведенiя: всѣ образовательныя и воспитательныя средства заведенiя должны быть одушевлены этой идеей, объединены въ одно стройное систематическое цѣлое и во всей полнотѣ съ твердой послѣдовательностью должны быть направлены къ ея осуществленiю.

„Въ единствѣ—сила, въ разъединенiи—бесилiе, слабость“—давнишняя истина. Прочность всякаго учрежденiя, его развитiе, успѣшное исполненiе имъ своихъ цѣлей условливается при наличности всѣхъ необходимыхъ факторовъ—единствомъ въ ихъ дѣятельности. Чѣмъ полнѣе это единство, чѣмъ глубже, всестороннѣе дѣйствующiе факторы проникнуты объ-

единяющими ихъ началами и цѣлями учрежденія, тѣмъ несомнѣннѣ успѣхъ, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе осуществленіе намѣченныхъ цѣлей. Наоборотъ, при разрозненности, при взаимныхъ несогласіяхъ, разобщенности и нетрудное само по себѣ предпріятіе становится трудно осуществимымъ и даже совершенно неисполнимымъ. Такимъ образомъ успѣхъ дѣла въ учрежденіи съ твердо и ясно поставлеяной цѣлью требуетъ безусловнаго единства, строгой согласованности въ дѣйствующихъ факторахъ; чтобы всѣ воспитательныя и образовательныя силы и средства, какими только располагаетъ заведеніе, начиная съ главныхъ начальниковъ и кончая низшими служителями, отъ главныхъ предметовъ преподаванія до второстепенныхъ и необязательныхъ, до мелочныхъ пунктовъ учебныхъ программъ и школьной дисциплины, — все и всѣ должны служить, соответственно своему значенію въ общей системѣ воспитанія, средствомъ къ достиженію заведеніемъ своего назначенія. Какія бы должностныя лица ни существовали въ заведеніи, какіе бы предметы, науки и искусства ни преподавались здѣсь — древніе или новые, Божескіе или человѣческіе, они не должны имѣть иныхъ стороннихъ для заведенія цѣлей и съ холоднымъ безучастіемъ и безразличіемъ относиться къ творческой, просвѣтительной работѣ; иначе, при иной постановкѣ дѣла, заведеніе будетъ противодѣйствовать себѣ и разрушать одною рукою то, что будетъ создавать другая...

Послѣдовательно разсуждая на основаніи изложенныхъ соображеній, обусловливающихъ успѣхъ созидательной работы учебнаго заведенія, необходимо признать слѣдующія положенія:

1) Составъ служащихъ въ учебномъ заведеніи лицъ, начальствующихъ, учащихся и воспитывающихъ, долженъ представлять тѣсно сплоченную семью, одушевленную одними и тѣми же высокими цѣлями заведенія; въ сознаніи ихъ всегда должны предноситься возвышенныя христіанскіе идеалы и принципы нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величіе, важность и страшная отвѣтственность предъ Богомъ и людьми принятаго ими на себя труда. Въ лицѣ дѣтей родители, общество, государство, церковь ввѣряетъ имъ лучшее, дорогое свое достояніе, свои надежды, свое будущее... Поэтому педагогическій трудъ—дѣло великой важности, дѣло святое и отвѣтственное, это—созиданіе одушевленнаго храма Живого Бога, образованіе христіанской личности, одушевленной искренней любовью къ истинѣ, добру и правдѣ, воспитаніе людей сильныхъ словомъ и дѣломъ послужить на пользу св. церкви и отечественной страны. Въ дружной и единомысленной творческой работѣ всего педагогическаго персонала, безусловно чуждой взаимнаго принципиальнаго антагонизма и разногласія во взглядахъ на основныя задачи воспитанія и образованія, идеально разсуждая, все: каждый шагъ, слово, мысль—должны быть строго обдуманы, оцѣнены, взвѣшены, соответствуютъ-ли они величію и святости сооружаемаго храма по своему внутреннему содержанію, по внѣшней формѣ и не вредятъ-ли прочности зданія, его красотѣ, стройности, цѣльности, не вносятъ-ли смущенія, соблазна, разстройства въ духовный міръ „малыхъ сихъ“, въ храмъ невинности и непорочности... Несомнѣнно, какъ въ міръ физическомъ, такъ и нравственномъ, ничто не пропадаетъ,

не оставивъ послѣ себя соответствующихъ послѣдствій: изъ ничтожныхъ атомовъ образуются горы; ничтожная искра, микроскопическія инфузоріи нерѣдко служатъ причиной великихъ роковыхъ событій и изъ мимолетныхъ впечатлѣній, ощущеній, представленій создаются могучія силы: симпатіи, увлеченія, привычки, страсти, сила воли, характеръ. Не скромный взглядъ, небосторожное слово, минутная вспышка гнѣва могутъ вызвать послѣдствія необычайной важности.. Въ дѣлѣ воспитанія, религіозно-нравственнаго въ особенности, говорятъ, нѣтъ мелочей... Все имѣетъ важность и свою цѣну. И „дѣла имѣютъ языкъ, даже болѣе краснорѣчивый, чѣмъ уста“... „Правила только учатъ, а примѣры увлекаютъ“... Неизгладимыми чертами должны быть запечатлѣны въ сердцахъ руководителей юныхъ поколѣній слова Писанія: „Горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ происходитъ... Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морей“ (Матѣ XVІІІ, 6—7). Развѣ не знаетъ, что вы — храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ? Если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ“ (1 Кор. ІІІ, 16—17).

Печальныя думы, мрачныя опасенія за результаты учебно-воспитательнаго дѣла невольно овладѣваютъ духомъ при видѣ прискорбныхъ фактовъ дѣйствительной жизни, когда въ корпораціи учащихся и воспитывающихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ являются люди, въ принципѣ отрицающіе духовный міръ, христіанство, какъ Богооткровенное ученіе, его

миссію; когда въ учебныхъ заведеніяхъ военнаго вѣдомства видныя должности занимаютъ „непротивленцы“, въ принципѣ отрицающіе военную службу, а въ классическихъ заведеніяхъ — яростные противники классическаго образованія... Не менѣе печальныя и грустныя чувствованія возбуждаются при мысли о тѣхъ строителяхъ въ сознаніи воспитывающагося поколѣнія христіанскаго міросозерцанія, одушевленнаго любовью къ Христовой церкви, къ отечественной странѣ, которыхъ складъ мыслей и сердечныхъ настроеній далекъ отъ православнаго христіанства, какъ и отъ русскаго патріотизма...

2. Преподаваемая въ средне-образовательной школѣ науки во всей совокупности должны составлять строго обдуманную систему знаній, объединенныхъ въ одно стройное цѣлое. Обогащая молодые умы разносторонними знаніями, они въ то же время должны содѣйствовать развитію и укрѣпленію въ нихъ возвышенныхъ нравственныхъ принциповъ и облагораживанію чувствованій и потребностей сердца. Въ послѣднихъ же своихъ выводахъ и обобщеніяхъ во всей своей цѣлостности научныя познанія должны образовать въ сознаніи умственно и нравственно созрѣвшихъ и созрѣвающихъ юношей разумное, прочно обоснованное христіанское міросозерцаніе, вполнѣ удовлетворяющее естественнымъ потребностямъ пытливаго разума въ области „вѣчно старыхъ и юныхъ вопросовъ“:

„Что есть тайна отъ вѣка,
Въ чемъ существо человѣка,
Откуда и куда онъ идетъ,
И кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?“...

Человѣку по самой природѣ его свойственно стремленіе къ полнотѣ и законченности знаній. Всѣ безконечно разнообразныя свѣдѣнія онъ подводитъ подъ общіе принципы и объединяетъ въ болѣе или менѣе осмысленномъ міросозерцаніи. Чѣмъ сознательнѣе и усиленнѣе работаетъ мысль, тѣмъ настойчивѣе потребность объединить, облечь въ законченную систему всю сумму прибрѣтенныхъ знаній.

Критическая работа мысли, усиливающейся въяснить основы своихъ вѣрованій и оправдать ихъ разумными доводами, тѣмъ болѣе попытки творческой самостоятельной работы въ сложныхъ и запутанныхъ вопросахъ міросозерцанія—дѣло великой трудности и важности, какъ по свойству подлежащихъ разслѣдованію предметовъ, такъ и по значенію ихъ въ духовно-нравственной жизни. Если человѣку вообще свойственно ошибаться, то въ области отвлеченныхъ вѣчно старыхъ и вѣчно юныхъ вопросовъ ошибки, заблужденія, опасныя и, быть можетъ, роковыя по своимъ послѣдствіямъ,—явленіе самое обыкновенное и даже неизбежное. Ни богатые природныя дарованія, ни обширныя свѣдѣнія, ничто не предохраняетъ и не спасаетъ человѣческой умъ отъ заблужденій, мрачныхъ и безотрадныхъ крайностей въ воззрѣніяхъ на окружающій міръ, его происхождение, смыслъ міровой жизни, цѣль и назначеніе человѣка. Исторія философіи и современная дѣйствительность въ лицѣ выдающихся представителей крайне одностороннихъ направленій, а еще болѣе въ лицѣ неисчислимыхъ жертвъ переживаемаго нами такъ-называемаго „освободительнаго движенія“ съ непререкаемой убѣдительностью свидѣтельствуютъ о

непреодолимыхъ затрудненійхъ для человѣческаго ума въ отвлеченной метафизической области и вмѣстѣ съ тѣмъ о страшныхъ опасностяхъ сбиться съ пути истины и погибнуть совсѣмъ... Поэтому-то въ дѣлѣ насколько трудномъ по своему существу, настолько же и важному по своимъ практическимъ послѣдствіямъ въ дѣлѣ созиданія и выработки разума міровоззрѣнія, выявленія и твердаго обоснованія главныхъ его положеній молодые умы не могутъ и не должны быть предоставляемы самимъ себѣ, на произволъ судьбы и случайныхъ вліяній. Учебныя заведенія, долженствующія воспитывать молодыхъ поколѣнія Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, нравственно обязаны облегчить своимъ питомцамъ этотъ тяжелый и опасный трудъ: всѣ живыя, разумныя силы, призванныя къ педагогической дѣятельности въ заведеніи, какъ и всѣ преподаваемые въ нихъ науки должны внести свой вкладъ въ великой важности дѣло, чтобы молодые люди, получающіе аттестаты зрѣлости, вступали въ жизнь дѣйствительно уметвенно и нравственно зрѣлыми, съ болѣе или менѣе прочно обоснованными положительными убѣжденіями въ основныхъ истинахъ христіанскаго теистическаго міросозерцанія. Заведеніе не исполнило бы своего долга, если бы ограничило свою просвѣтительную работу сообщеніемъ своимъ питомцамъ разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній, не освѣтивъ ихъ при этомъ высшими философскими принципами; оно совершило бы тяжкое преступленіе, если бы ограничилось безучастной ролью зрителя къ дальнѣйшей судьбѣ сообщенныхъ имъ научныхъ знаній, будутъ-

ли онѣ освѣщены въ сознаніи учениковъ идеями пантеизма, или атеизма, матеріализма, пессимизма... образуется-ли изъ нихъ храмъ Истинному Богу, или идольское капище, или же складочное мѣсто для взрывчатыхъ веществъ и никому ненужнаго хлама... Болѣе чѣмъ прискорбныя и безотрадныя думы вызываются фактами, къ несчастію, сдѣлавшимися за послѣднее время обычными, когда стоящіе на порогѣ зрѣлости молодые люди обнаруживаютъ крайнее легкомысліе и поражающую неустойчивость въ области высшихъ принциповъ; прочитавшихъ двѣ-три либеральныхъ книжки, журнальныхъ статьи, прослушавши двѣ-три зажигательныхъ рѣчи проповѣдника современныхъ теорій, откровенно, съ нѣкотораго рода даже гордостью заявляютъ, что они потеряли вѣру, что Бога нѣтъ, души нѣтъ, что жизнь — „пустая и глупая шутка“, что въ ней нѣтъ никакого смысла, и спокойно, съ полнымъ равнодушіемъ разсуждаютъ о самоубійствѣ, какъ явленіи вполне естественномъ, въ особенності, если жизнь изъ богатаго наслажденія праздника превращается въ тяжелый подвигъ.

Необыкновенно быстрыя метаморфозы, совершающіяся въ молодомъ поколѣніи, поражающая легкомысленность, съ какою люди на порогѣ зрѣлости и даже съ аттестатами зрѣлости въ рукахъ увлекаются всякаго рода противохристіанскими и противогосударственными теоріями, съ очевидностью показываютъ, что средне-образовательныя школы не даютъ убѣжденій, не выясняютъ и не утверждаютъ тѣхъ основъ, на которыхъ опираются религіозно-философскія убѣжденія; а скорѣе, быть можетъ, расшатываютъ, разрушаютъ эти основы, подрываютъ довѣріе къ преданіямъ старины...

Разсадники просвѣщенія въ этомъ отношеніи далеко не на высотѣ своего положенія. Очевидно, въ организаціи учебнаго дѣла, въ подборѣ образовательнаго матеріала и распредѣленіи его съ точки зрѣнія религіозно-философской имѣются какіе-то крупные недочеты, допущена какая-то неправильность, нерациональность.

Разсматривая программы и учебныя руководства, принятые въ учебныхъ заведеніяхъ м. нар. просвѣщенія, нельзя не замѣтить въ нихъ выдающейся особенности: полного отсутствія между ними внутренней органической связи. Религіозныя науки существуютъ сами по себѣ, свѣтскія тоже, тѣ и другія представляютъ совершенно самостоятельныя группы предметовъ школьнаго курса, ничего не имѣющія между собой общаго. Разсматриваемые сами по себѣ, въ отдѣльности, предметы свѣтскаго ученія разобщены, изолированы, замыкаются въ тѣсномъ кругѣ своей спеціальности. Каждая наука изображаетъ изъ себя какое-то самодовлѣющее, самостоятельное бытіе, не имѣющее никакого отношенія къ другимъ предметамъ обученія: древніе языки—сами по себѣ, новые—тоже, физика, географія, исторія, литература и проч.—все это отдѣльные самостоятельные курсы, не имѣющіе ничего общаго. При полномъ отсутствіи общихъ связующихъ религіозно-философскихъ идей, при своей разобщенности, школьныя науки отличаются необыкновенной объективностью содержанія и изложенія, какимъ-то космополитизмомъ, не признающимъ ни вѣроисповѣданій, ни національностей. Кромѣ, конечно, руководствъ по предмету Закона Божія, всѣ учебники по общеобразовательнымъ и спеціальнымъ

предметамъ (не только въ свѣтскихъ, но и духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ) по своему содержанію и характеру таковы, что оказываются одинаково пригодными и для христіанъ, и для магометанъ, и евреевъ, и даже идолопоклонниковъ. Не говоря уже о руководствахъ по древнимъ и новымъ языкамъ, по математикѣ, и учебники по физикѣ, русскому языку, словесности, исторіи, географіи и пр. съ одинаковымъ настроеніемъ духа и одинаковыми успѣхами могутъ быть изучаемы молодыми людьми всякихъ національностей и вѣроисповѣданій, лишь бы они въ достаточной степени владѣли русскимъ языкомъ.

„Наука, говорятъ, объективна, она чужда тенденціозности и должна стоять выше всякихъ національностей и вѣроисповѣдныхъ формъ“... Если это справедливо, то, надобно полагать, по отношенію къ наукѣ въ собственномъ смыслѣ, и при этомъ гдѣ-либо въ высшихъ заведеніяхъ — университетахъ, академіяхъ (не духовныхъ), разрабатывающихъ самую науку и преслѣдующихъ высшія научныя цѣли, но уже ни въ какомъ случаѣ не въ школьныхъ учебникахъ и учебныхъ руководствахъ, не въ среднихъ и низшихъ школахъ, предназначенныхъ для воспитанія и образованія христіанскаго по вѣрѣ, русскаго по происхожденію молодого поколѣнія.

Безспорно, никакія возраженія здѣсь не могли бы имѣть мѣста, и объективность науки была бы вполне разумнымъ явленіемъ, если бы педагоги имѣли дѣло лишь съ людьми „вообще“, въ государствѣ „вообще“, въ учебномъ заведеніи тоже „вообще“ и вели дѣло обученія „вообще“ безъ всякихъ

опредѣленныхъ цѣлей... Но какъ скоро учащимися оказываются дѣйствительные люди, извѣстной національности, извѣстнаго государства, вѣроисповѣданія, опредѣленнаго учебнаго заведенія, поставившаго себѣ ясно и рѣшительно опредѣленную цѣль, если государство, церковь, общество и сами родители, ввѣряя свое молодое поколѣніе педагогическому персоналу, положительно говорятъ: „образуйте намъ вѣрующихъ христіанъ, просвѣщенныхъ русскихъ людей, которые бы всегда и вездѣ, на всѣхъ поприщахъ жизни—государственной, общественной, семейной и пр. были утѣшеніемъ родителей, полезными дѣятелями во благо церкви и отечества,—при такихъ условіяхъ, очевидно, безцвѣтность въ школьномъ образованіи безусловно не можетъ быть терпима... Если въ самую основу школы, ея возникновенія и продолжающагося существованія, положена обдуманная мысль, намѣреніе, цѣль, короче говоря,—тенденція, то ясно, какъ нельзя болѣе, что все здѣсь должно быть тенденціозно и всѣ воспитательныя и образовательныя средства должны вполнѣ соответствовать этой тенденціи, служить возможно лучшимъ орудіемъ къ ея осуществленію. Иначе (какъ и выше уже было замѣчено) школа будетъ противорѣчить и противодѣйствовать себѣ, обезаружить себя и искусственно создать себѣ сильнаго противника, плоды злой дѣятельности котораго по достоинству трудно и оцѣнить.

Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ преподаватели разнообразныхъ предметовъ школьнаго курса въ дѣлѣ образованія будутъ вращаться въ тѣсныхъ рамкахъ своей спеціальности и безучастно-холоднаго объекти-

визма, то естественно возникает вопросъ, какими же путями и при помощи какихъ средствъ будетъ осуществляться идея школы? Кто будетъ созидать въ сознаниі воспитывающагося юношества на твердыхъ научныхъ данныхъ разумное міросозерцаніе въ духѣ христіанской, теистической философіи, разумный, просвѣщенный взглядъ на міровую жизнь и жизнь человѣка?.. Кто будетъ развивать и утверждать ихъ въ любви къ христіанской вѣрѣ, преданности престолу и отечеству? Не само же собой все это явится и не изъ ничего же должно возникнуть... Сложная и трудная задача не сама же собой можетъ разрѣшиться?!. Всѣ заняты исполненіемъ своихъ специальныхъ работъ соотвѣтственно одобреннымъ программамъ, планамъ, объяснительнымъ запискамъ и учебнымъ руководствамъ; одни—усиленные старанія употребляютъ на то, чтобы православные русскіе юноши знали, какъ свой родной языкъ, древніе языки и всѣми силами ума и сердца полюбили классическій міръ, прониклись его идеями, вдохновлялись его идеалами, другіе съ не меньшимъ усердіемъ стараются привлечь юношескія симпатіи въ область математики и поставить юношескіе умы на возмужную высоту математическаго знанія, третьи точно также съ своей стороны усиленно стремятся заинтересовать своихъ слушателей-учениковъ своими специальными знаніями и съ настойчивой послѣдовательностью наполняютъ молодые умы съ великимъ трудомъ вмѣщаемыми знаніями по остальнымъ очень многочисленнымъ наукамъ среднеобразовательнаго курса— по исторіи, географіи, русскому языку, словесности, по новымъ языкамъ и пр. Всѣ заняты, у

всѣхъ масса обязательнаго дѣла, и такъ въ продолженіе всего курса ученія. Конечною цѣлью для всѣхъ служить исполненіе министерской программы, чтобы воспитывающіеся юноши были людьми образованными и свѣдущими въ проходимыхъ наукахъ: хорошими классиками, математиками, физиками, историками, географами, словесниками и пр. Эти цѣли, очевидно, далеко не совпадаютъ съ идеей школьнаго обученія и тѣми требованіями, какія предъявляются по отношенію къ школѣ церковью, обществомъ, государствомъ. Создать образованныхъ классиковъ, основательныхъ математиковъ, многосвѣдующихъ историковъ, словесниковъ и т. д., очевидно, не значитъ воспитать честныхъ людей, убѣжденныхъ христіанъ, просвѣщенныхъ патріотовъ: блестящія познанія по всѣмъ предметамъ средней школы съ одинаковымъ удобствомъ могутъ вмѣщаться въ головѣ и христіанина, и мусульманина, и буддиста, и талмудиста, какъ и въ ни во что не вѣрующаго челоуѣка, и патріота, и озлобленнаго ненавистника русской земли...

Нѣтъ сомнѣнія, „свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, и въ школѣ найдутся избранные, разумные дѣлатели, которые, по глубокому убѣжденію, съ усердіемъ, даже самоотверженностью будутъ служить дѣлу созиданія христіанскаго міросозерцанія въ сознаніи учащихся... Но „одинъ въ полѣ не воинъ“. Не много будетъ пользы, не великъ будетъ успѣхъ, если единичныя силы явятся дѣйствующими съ христіанскимъ русскимъ знаменемъ, а масса другихъ силъ будетъ оставаться въ состояніи безучастія, равнодушнаго объективизма. Холодное безучастіе, полное равнодушіе (тѣмъ болѣе не чуждое тоже своего рода

тенденціи), понятис, не поддержитъ вліянія, не выситъ авторитета силъ, дѣйствующихъ въ духѣ христіанско-патріотическаго знамени, а наоборотъ, ослабитъ это вліяніе, подорветъ уваженіе и довѣріе къ нимъ. „Кто не за насъ, тотъ противъ насъ“, если не положительно—прямо и открыто, то отрицательно—своей холодною, равнодушіемъ, невниманіемъ. Молчать въ то время, когда нужно говорить, оставаться безучастнымъ зрителемъ, когда нужно дѣйствовать, не оказать помощи и содѣйствія, когда этого требуетъ необходимость, польза, благо, спасеніе ближняго и когда къ этому имѣется полная возможность—всѣ подобныя дѣйствія, не оправдываемыя христіанскою нравственностію, не приведутъ къ добрымъ послѣдствіямъ. Невозможно представить себѣ, чтобы „объективное“ преподаваніе науки, какъ и безучастное отношеніе къ высокимъ истинамъ, вѣры и вѣчно юнымъ вопросамъ могли остаться незамѣченными учениками и въ болѣе или менѣе ощутительныхъ формахъ не обнаружиться въ жизни и дѣятельности въ классное или внѣклассное время. Если уста будутъ безмолвствовать, то будутъ говорить дѣла, имѣющія свой языкъ, не менѣе краснорѣчивый, чѣмъ уста... Правила, вѣдь, только учатъ, а увлекаютъ примѣры. Болѣе чѣмъ прискорбно, что учащіеся изо дня-въ-день видятъ не одинъ, ни два, а щѣлые, быть можетъ, десятки не добрыхъ примѣровъ со стороны руководящихъ ихъ лицъ. Далеко неблагоприятную настроенность въ душѣ молодого человѣка будутъ возбуждать и поддерживать они, не добрымъ сѣменемъ осѣменять они воспріимчивую молодость, а трудно искоренимыми плеведами и

терніями холодної, равнодушія, безучастія къ предметамъ вѣры и благоговѣйнаго почитанія. Подъ впливіемъ подобныхъ примѣровъ и доброе сѣмя падеть уже не на добрую подготовленную почву, но очерствѣвшую отъ холоднаго равнодушія, гдѣ оно будетъ лишь прозябать, не обѣщая желаемыхъ плодовъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что въ сознаніи учащихъ найдутъ себѣ мѣсто сомнѣнія въ разумной дѣятельности лицъ, ратующихъ за религіозно-философскіе принципы и во имя христіанскаго православно-русскаго знамени,—недовѣріе къ искренности ихъ намѣреній и подозрѣніе, что благочестивая философія и благонамѣренныя рѣчи—дѣло практическихъ соображеній и недостойныхъ честнаго чловѣка побужденій. И не молодой умъ не можетъ не смутиться предъ лицомъ обычныхъ явленій школьной жизни, когда специалисты науки, знатоки дѣла преднамѣренно и систематически избѣгаютъ даже названій: „Богъ“, „премудрость“, „благость“, „провидѣніе“, „промыслъ“, проявляющіеся въ устройствѣ міра, въ строеніи и жизни растительныхъ и животныхъ организмовъ, въ судьбахъ міра и чловѣка, охотно замѣняя эти выраженія принятой въ свѣтской наукѣ терминологіей, характеризующей преимущественно „вторичныя“ (по выраженію Бэкона), причины, силы и законы природы, законъ эволюціи, прогрессъ, борьба за существованіе, половой подборъ и пр.. Печально, если это умолчаніе и подмѣна понятій служить результатомъ боязни и „страха іудейскаго“ выступить открыто исповѣдникомъ неодобряемыхъ положительной наукой религіозно философскихъ идей; еще болѣе печально и безотрадно, если за научной

терминологіей скрываются позитивизмъ, матеріализмъ и вообще въ тѣхъ или иныхъ формахъ атеистическія воззрѣнія.

При такомъ положеніи дѣла исчезаютъ уже всякія основанія питать хоть какія-либо надежды на торжество православнаго христіанскаго знамени въ русской школѣ, скорѣе, нужно опасаться за его порабощеніе. Отъ объективизма въ организаціи и преподаваніи учебнаго курса, тѣмъ болѣе—объективизма, проникнутаго отрицательными тенденціями, иныхъ результатовъ, иныхъ плодовъ и ожидать невозможно.

Въ цѣляхъ лучшаго выясненія вопроса, нахожу нужнымъ высказать нѣсколько мыслей о желаемой постановкѣ преподаванія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ предметовъ среди образовательнаго курса, имѣющихъ особенно важное значеніе въ дѣлѣ выработки міровоззрѣнія въ сознаніи воспитывающихся поколѣній—естествознанія, физики, космографіи и др.

Предварительно необходимо замѣтить, что, по христіанскому взгляду, внѣшній міръ, изслѣдуемый названными науками, космосъ—твореніе Божіе. Какъ произведеніе Божественнаго творчества, онъ и во всей своей цѣлостности и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, и въ единичныхъ предметахъ непосредственно отражаетъ на себѣ Божественныя совершенства своего Творца. По выраженію о.о. церкви, видимая природа—это вторая библія, естественное откровеніе, въ которомъ безконечныя свойства Создателя изображены не буквами и словами, а самими вещами. Какъ чрезъ чтеніе священныхъ книгъ мы научаемся Богопознанію, такъ и прилежно разсматривая бытіе міра, мы познаемъ, что Богъ премудръ, всемогущъ,

благъ, познаемъ также и всѣ невидимыя его свойства"... „Невидимая бо Его отъ созданія міра творенми помышляема, видима суть и присносущная сила Его и Божество“ (Рим. 1, 20). Очевидно, христіанскій ученіемъ устанавливается самая тѣсная, непосредственная связь между откровеніемъ естественнымъ и свехъ естественнымъ, т. е. между предметами преподаванія законоучителя и естествовъда, физики, космолога, преподавательскою дѣятельностью перваго и послѣдняго. По идеѣ, и законоучитель, и естествовъдъ, физикокосмологъ служатъ одному и тому же дѣлу, преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли, и тотъ и другой преподаютъ Божественное откровеніе, помогаютъ и содѣйствуютъ разумному чтенію и пониманію слушателями учениками священныхъ книгъ, „вещами изображенныхъ“ или буквами и письменами, и тотъ и другой стремятся къ тому, чтобы откровенныя истины вполнѣ правильно, отчетливо были усвоены, сдѣлались предметомъ сознательнаго убѣжденія... Долженствующее быть по идеѣ христіанскаго міровоззрѣнія далеко, однако, не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Родственные предметы разъединены и стоятъ внѣ всякой связи. Школьная физика не признаетъ за собой никакого родства съ христіанствомъ и, видимо, чуждается христіанскихъ воззрѣній на изслѣдуемый ею предметъ. Она разсматриваетъ видимую природу лишь въ предѣлахъ чувственнаго, эмпирическаго знанія и рѣшительно сторонится отъ всякой метафизики, а христіанской въ особенности.

Ни въ учебникахъ, ни въ программахъ нельзя встрѣтить и намека на христіанство, въ нихъ и по-

мину нѣтъ о первыхъ и конечныхъ причинахъ бытія, о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, Его всемогуществѣ, премудрости, благости и пр., не встрѣчается даже и имени „Богъ“. Точное исполненіе программы всю работу преподавателя сводить къ дѣятельности искуснаго грамматиста-филолога. Какъ грамматистъ, изучающій этимологическія и синтаксическія формы человѣческой рѣчи, избравши для своихъ классныхъ занятій какое-либо поэтическое или прозаическое произведеніе, разлагаетъ его на составныя части—главныя, придаточныя, полныя, сокращенныя предложенія, анализируетъ между ними взаимную связь и соотношеніе, разбираетъ каждое отдѣльное предложеніе, каждое слово, по родамъ и видамъ, числамъ и падежамъ и прочимъ грамматическимъ рубрикамъ, для лучшаго уясненія и пониманія дѣла учениками сопровождаетъ свою работу своего рода экспериментами въ формѣ примѣровъ, а затѣмъ и закончиваетъ свой трудъ, не входя въ объясненіе разобраннаго такимъ образомъ литературнаго произведенія, какъ художественнаго цѣлаго, его содержанія, цѣли, характера, поэтическихъ достоинствъ,—подобно этому работаетъ и естествовѣдъ, физико-космологъ въ области своего преподаванія. Художественное цѣлое, прекрасный космосъ раздѣляетъ на части, разлагаетъ по классамъ, родамъ и видамъ его явленія, указываетъ ихъ составные элементы, взаимное соотношеніе, сопровождая все это разнообразными опытами, математическими вычисленіями и формулами... Что такое природа, разсматриваемая во всей совокупности своихъ явленій, откуда она возникла, гдѣ причина, обусловившая и обус-

ловливающая цѣлесообразность и разумность ея устройства, каковы по своимъ свойствамъ и качествамъ творческія и промыслительныя силы природы, къ чему, къ какой цѣли ими направляется міровая жизнь?—все это вопросы, совершенно сторонніе для преподавателя, истолкователя естественнаго откровенія,—„второй библии“, конспекты и планы съ объяснительными записками, равно какъ и одобренные учебники обходятъ ихъ гробовымъ молчаніемъ... Въ своей положительности, „научной“ постановкѣ преподаванія физики, ея безцвѣтности въ отношеніи къ религіи и философіи, мы даже превосходимъ самихъ матеріалистовъ: эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ добросовѣстные изъ нихъ, сознаются, что въ природѣ существуетъ „неразложимый остатокъ“—явленія разумности и цѣлесообразности, необъяснимый при современномъ состояніи естествознанія извѣстными теперь физико-химическими силами. Наша школьная физика старательно охраняетъ себя отъ всякихъ подозрѣній въ метафизикѣ: она не видитъ и не замѣчаетъ никакихъ „неразложимыхъ остатковъ“, въ изслѣдуемой ею области, въ видимой природѣ все объясняется: разлагается, дѣлится и потомъ соединяется, образуется, творится безъ всякихъ остатковъ и такъ просто, ясно, какъ дважды два... Нѣтъ сомнѣнія, что положительное эмпирическое направленіе физики, какъ учебнаго предмета, вполне согласно съ теоріями О. Конта, Бюхнера, Г. Спенсера и иныхъ представителей позитивизма и матеріалистической философіи, для которыхъ область положительнаго доступнаго человѣку достовѣрнаго знанія ограничивается предѣлами внѣшняго, чувственнаго опыта, а

все сверхъ опытное, недоступное чувственному воспріятію, составляетъ область абсолютно непознаваемую (и потому не подлежащую наукѣ), гдѣ познанія призрачны и не достовѣрны... Но согласно-ли это будетъ съ христіанской філософіей? Согласно-ли съ тѣмъ знаменемъ, которому служимъ и должны служить мы, христіане, руководители и воспитатели христіанскаго юношества? Будетъ-ли это гармонировать съ тѣми возвышенными цѣлями, къ осуществленію которыхъ стремятся и должны стремиться наши русскія, христіанскія православныя школы? Если для названныхъ выше мудрецовъ Богъ, Творецъ, Промыслитель, всемогущество, премудрость, благость и тому подобное—суть метафизическія понятія, не имѣющія предметнаго значенія, то для насъ, учениковъ Христовыхъ, они—не пререкаемая истина, ибо вѣруемъ и убѣждены въ безусловной истинности своей вѣры—вѣруемъ въ единого Бога, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго, вѣруемъ и исповѣдуемъ, что небеса повѣдуютъ славу Божию, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь, что величіе Его поетъ солнце, славить луна, звѣзды и свѣтъ... Примиреніе, совмѣстное существованіе въ сознаніи послѣдовательно мыслящаго человѣка—христіанскихъ истинъ съ догматами узкаго эмпиризма и матеріализма, очевидно, невозможно: они взаимно исключаютъ другъ друга Несовмѣстимы они и въ дѣлѣ образованія христіанскаго юношества, такъ какъ педагогическое дѣло иначе и не можетъ и не должно быть мыслимо, какъ строго обдуманная система, всецѣло проникнутая единствомъ мысли и плана, и, слѣдовательно, ни въ теоріи, ни въ практикѣ не

допускающая никакихъ противорѣчій. Примѣненіе несогласныхъ съ христіанскими воззрѣніями началъ въ преподаваніи наукъ, изслѣдующихъ естественное откровеніе, очевидно, вносить разладъ въ общую образовательную систему христіанскаго юношества и само по себѣ указываетъ на вопіющую непослѣдовательность, отъ которой добрыхъ плодовъ для цѣлей христіанской школы ни въ какомъ случаѣ ожидать невозможно, а скорѣе—наоборотъ. Казалось бы, всего разумнѣе христіанскимъ учителямъ воспитать учащееся поколѣніе, какъ желаетъ церковь, общество, государство, въ духѣ христіанскихъ воззрѣній на природу, какъ на твореніе Божіе, отражающее на себѣ совершенства своего Творца. Казалось бы всего цѣлесообразнѣе и несравненно плодотворнѣе было бы довести христіанское юношество до той высоты пониманія природы и ея безконечно разнообразныхъ явленій, какую мы видимъ въ произведеніяхъ Св. Василия В. и многихъ знаменитыхъ ученыхъ—Ньютона, Кеплера, Линнея, Секки, Пирогова, Фламариона и др. Почему бы молодые умы не озарить тѣмъ животворнымъ свѣтомъ, который блистаетъ въ трудахъ этихъ ученыхъ мужей? Не можемъ мы не привести здѣсь небольшой выписки (изъ ст. Хр. Чтенія за 1887 г., № 11—12), ясно выражающей какія цѣли должны бы быть достигаемы, по нашему мнѣнію, чрезъ изученіе естественныхъ наукъ въ христіанскихъ школахъ, „Исаакъ Ньютонъ, пораженный премудростью идеи, которую усмотрѣлъ въ устройствѣ органа зрѣнія, закончилъ свое изслѣдованіе объ оптикѣ словами; „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ“. А вслѣдъ за открытіемъ законовъ при-

тяженія и тяготѣнія, тотъ же Ньютонъ воскликнулъ: „Я узрѣлъ Господа въ дѣлахъ Его и въ законахъ природы, обнаруживающихъ существованіе мудрости и силы, независимыхъ отъ матеріи“. Кеплеръ, до гробовой доски неутомимо трудившійся надъ изученіемъ небесныхъ тѣлъ, написалъ безсмертное сочиненіе объ астрономіи, которому посвятилъ около сорока лѣтъ непрерывной усидчивой работы и въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія строки: „О, Творецъ, благословляю Тебя за то, что Ты удостоилъ меня быть въ состояніи удивляться дѣламъ Твоимъ. Я выполнилъ свое жизненное призваніе, благодаря мышленію, способность и силу ко-его даровалъ мнѣ Ты. Я показалъ людямъ славу дѣлъ Твоихъ. Если трудами моими, которые слѣдовало посвятить только Тебѣ, я обнаружилъ и показалъ славу человѣковъ, то прости мнѣ, Господи, благостью и милосердіемъ Твоимъ. Благословляйте Господа небесныя силы. Душа моя, благословляй Господа!“ Линней, формулируя свои поразительные законы и открывая столь сложные явленія въ области растительнаго царства, усматривалъ и въ этихъ законахъ неоспоримое доказательство существованія сверхъ-естественной силы. „Я увидѣлъ Бога“, говорилъ онъ и часто повторялъ эти слова въ кругу своей семьи. „Я узрѣлъ Господа. Я чувствовалъ Его присутствіе и, пораженный удивленіемъ и изумленіемъ, останавливался въ безмолвіи, точно созерцая Его лицо. И въ самомъ ничтожномъ изъ этихъ дѣлъ сколько мудрости и силы! Сколько совершенства! Въ какомъ бы направленіи мы ни захотѣли предпринять наши изслѣдованія, повсюду мы открываемъ ясный-

шія доказательства Творческаго духовнаго начала, или Его промысла, силы и мудрости“ (Ляйель). „Чѣмъ болѣе расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе и неопровержимѣе становятся доказательства за вѣчное существованіе творческой и всемогущей мудрости. И геологія, и математика, и астрономія, и естественная исторія—все науки приносятъ по камню въ храмъ, воздвигаемый для прославленія Творца-Бога нашего“ (Гершель).

Излишне приводить слова другихъ „князей науки“, благоговѣвшихъ предъ величіемъ дѣлъ и безконечными совершенствами Творца и Промыслителя вселенной.

Какимъ-бы несказаннымъ свѣтомъ озарился міръ Божій со всеми его безконечно разнообразными явленіями, если-бы въ изученіе его привнесена была религіозно-философская мысль, если-бы испытующій разумъ, не довольствуясь пониманіемъ второстепенныхъ причинъ, одушевленъ былъ отчетливымъ пониманіемъ конечныхъ причинъ всего существующаго! Какою-бы восторгающею красотою заблесталъ космосъ, если-бы все небесное и земное было одухотворено, согрѣто любомудріемъ названныхъ ученыхъ мужей и подобныхъ имъ!.. Какое-бы могучее и неоцѣнимое орудіе приобрѣли юношескіе умы къ разумному чтенію Божественнаго откровенія, вещами изображеннаго, пониманію его художественной красоты, созерцанію Бога въ Его твореніяхъ; предъ лицомъ ихъ невидимыя Божественныя свойства воистину содѣлались-бы видимыми, небеса немолчно стали-бы возвѣщать славу Божию, и все мірозданіе—безконечныя совершенства своего Творца, Его могущество, премуд-

рость, благость. Слово нѣтъ, какой-бы драгоценный вкладъ чрезъ это сдѣланъ былъ въ формирующееся міровоззрѣніе христіанскаго юношества, какія-бы прочныя основы были положены къ уразумѣнію катихизическаго ученія, къ убѣжденію въ христіанскихъ истинахъ о Богѣ и Его свойствахъ въ отношеніи къ міру и человѣку, — твореніи и промышленіи... Какую бы очевидность, полноту и осязательную убѣдительность въ сознаніи учащихся получили-бы такъ-называемыя доказательства бытія Божія — космологическое и физико-телеологическое (едва-ли извѣстныя теперь „зрѣлымъ“ гражданамъ даже по имени). Для этого, кажется, можно было-бы поступиться двумя тремя теоремами, двумя-тремя аппаратами, изъ цѣлыхъ сотенъ уроковъ выдѣлить три-четыре на то, чтобы при окончаніи курса предмета подвести итоги изученія физики, обобщить пройденный матеріалъ и освѣтить его религіозно-философскими началами. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что большая часть изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ учебниками по естествовѣдѣнію, чрезъ кихъ-нибудь два-три года совсѣмъ забудется или оставить по себѣ смутныя воспоминанія, тогда какъ общіе выводы, основные принципы дѣлаются достояніемъ духа на всю жизнь. Насколько объективны и безцвѣтны науки, изслѣдующія внѣшній, матеріальный міръ, настолько же чужды религіозно-философскихъ принциповъ и антропологическія (въ широкомъ смыслѣ) науки, изучающія природу человѣка, начиная съ психологіи, исторіи, словесности, исторіи литературы и пр. И здѣсь, какъ въ области науки о матеріальной природѣ, не видно осязательныхъ признаковъ, свидѣ-

тельствующихъ о ихъ сознаніи своего высокаго назначенія въ общей системѣ образованія — воспитать и прочно обосновать въ слушателяхъ религіозно-философскія воззрѣнія на природу человѣка. Воспроизводя человѣческую жизнь съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, изслѣдуя безконечно разнообразныя проявленія присущихъ человѣку силъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія — силъ умственныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ, эстетическихъ въ области наукъ и искусствъ, въ жизни индивидуальной, семейной, общественной, государственной, выясняя взаимную связь, относительную важность и (вторичныя) производящія причины изслѣдуемыхъ явленій, всѣ изучаемыя въ средней школѣ антропологическія науки оставляютъ внѣ своихъ изслѣдованій первѣйшей важности вопросы о самомъ человѣкѣ... Кто онъ по существу своей природы, по своему происхожденію, назначенію? Какой смыслъ его жизни на землѣ, какая цѣль, какой смыслъ всей его исторіи? Дѣло ограничивается изложеніемъ фактическаго матеріала, выясненіемъ „второстепенныхъ“ причинъ, не касаясь высшихъ религіозно-философскихъ принциповъ, первыхъ и конечныхъ причинъ всей исторіи и всякаго бытія. Въ раскрытіи и пониманіи „философіи исторіи“, „смысла жизни“, въ рѣшеніи великихъ вопросовъ самопознанія, наиболѣе важныхъ и трудныхъ, воспитывающіеся, такимъ образомъ, оказываются предоставленными вліянію уроковъ по предметамъ „Закона Божія“, изучаемаго, по выраженію архіепископа Никанора, по программамъ, начертаннымъ для „дѣтей“, а затѣмъ — самимъ себѣ и на произволъ судьбы... Для пользы дѣла, для блага воспитываю-

пагося юношества несравненно цѣлесообразнѣе было-бы необъятный по обилію и неисчерпаемый по своему разнообразію учебный матеріалъ свести къ единству, обобщить, облечь въ формулы положеній, принциповъ, имѣющихъ особенную важность и цѣнность при выработкѣ міросозерцанія. Серьезный вкладъ и великую услугу оказали-бы формирующемуся міровоззрѣнію антропологическія науки, если-бы завершеніемъ ихъ изученія послужили мысли, что человѣкъ, насколько знаетъ его исторія, по своей природѣ существо разумно-свободное, религіозное, одаренное чувствомъ прекраснаго, что по свойственнымъ ему задаткамъ духовныхъ силъ онъ всегда существенно отличался и стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ животныхъ, что онъ никогда не удовлетворялся настоящимъ, его идеалы стояли выше дѣйствительности, и онъ постоянно стремился къ чему-то высшему, не земному, Божественному, въ области истины, добра, правды и красоты, что онъ вѣрилъ въ реальность міра идеальнаго, сверхъ естественнаго и въ непосредственное общеніе съ нимъ, вѣрилъ въ загробный міръ и будущее воздаяніе, въ торжество правды, свѣта надъ тьмою, добра надъ зломъ, что вся исторія человѣчества — постепенное раскрытіе царства Божія на землѣ, что Божье Провидѣніе (сила прогресса) незримо руководить жизнью и отдѣльныхъ лицъ, народовъ и всего человѣчества, направляя ихъ къ высшимъ премудрымъ цѣлямъ, къ торжеству добра надъ зломъ,...

Нѣтъ сомнѣнія, что эти мысли, извлеченныя изъ массы историческаго и литературнаго матеріала, какъ выводъ и обобщеніе усвоенныхъ научныхъ знаній,

послужать серьезнымъ вкладомъ въ формирующійся складъ убѣжденій воспитывающагося юношества, внесуть ясность и устойчивость во взглядахъ на цѣнность и смыслъ жизни, и несомнѣнно многихъ предохранять и спасуть отъ преступныхъ дѣяній, являющихся слѣдствіемъ сознанія безсмысленности и безцѣльности жизни. При разумной цѣлесообразной постановкѣ учебнаго дѣла, объединяющей въ религиозно-философскую систему разнообразныя научныя познанія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, складъ убѣжденій и вѣрованій въ сознаніи воспитывающихся поколѣній, при вступленіи ихъ въ жизнь, будетъ представлять изъ себя стройное, серьезно обдуманное, прочно обоснованное зданіе, поколебать, разрушить которое будетъ дѣломъ болѣе чѣмъ труднымъ и, во всякомъ случаѣ, требующимъ продолжительной и усиленной работы...

Законы разсудочной дѣятельности и формы логическихъ построеній одинаковы для всѣхъ людей, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, одиakoво обязательны требованія закона достаточнаго основанія въ умственной дѣятельности, при образованіи понятій, сужденій, умозаключеній и пр. Заблужденія въ человѣческомъ мышленіи происходятъ не потому, что люди поступаютъ безъ примѣненія законовъ мышленія, а вслѣдствіе неполноты и несовершенства умственнаго матеріала, воспринятыхъ впечатлѣній, наблюденій и пр., на которыхъ опираются разсудочныя построенія. Теперь, если на основаніи свѣдѣній, приобрѣтавшихся въ продолженіе многихъ лѣтъ, при изученіи различныхъ наукъ, разсудокъ былъ приведенъ къ извѣстнымъ выводамъ,

обобщеніямъ и убѣжденіямъ, то, очевидно, что перемѣна въ послѣднихъ, замѣна ихъ новыми существенно различными, тѣмъ болѣе діаметрально противоположными, возможна лишь въ томъ случаѣ, если будутъ измѣнены, разрушены основанія, на которыхъ опирались и утверждались прежніе взгляды, выводы и заключенія, открыты будутъ новыя данныя для разсудочныхъ построеній, сообщающія всему старому иное освѣщеніе, иной смыслъ... Трудное дѣло переубѣдить человѣка, но особенно -- пересоздать его міровоззрѣніе. Логически невозможно, чтобы человѣкъ систематическимъ изученіемъ естественной исторіи, физики, космографіи, исторіи, географіи, литературы приведенный къ убѣжденію въ истинѣ бытія высочайшаго, творческаго и міроуправляющаго разума, въ существованіи безсмертнаго человѣческаго духа, существенно отличнаго, неизмѣримо превышающаго всѣ другія одушевленные существа въ области умственной, нравственной, религіозной, эстетической, могъ поколебаться въ своихъ убѣжденіяхъ, прочитавши какую-либо журнальную статью, двѣ-три книжки либеральнаго содержанія. Быстрыя превращенія и метаморфозы здѣсь невозможны. Съ уничтоженіемъ одной опоры, положимъ, данной изученіемъ естественной исторіи, останутся многочисленныя другія, на которыхъ духовное зданіе будетъ прочно держаться, съ разрушеніемъ второй, опять-таки еще фундаментъ достаточно прочный, чтобы зданіе держалось; только съ уничтоженіемъ всѣхъ этихъ устоевъ, крушеніе сдѣлается неизбѣжнымъ...

Въ видахъ большей основательности міровоззрѣнія, прочности и устойчивости всего склада духов-

ной жизни молодых людей необходимо выяснить вопрос: насколько разуменъ и цѣлесообразенъ именно съ этой точки зрѣнія подборъ предметовъ преподаванія, не предстоитъ-ли надобности ввести новые предметы, измѣнить, расширить или сузить программы по преподаваемымъ наукамъ? Ввести новые учебники, руководства или измѣнить существующіе? Въ отношеніи къ предметамъ, входящимъ въ курсъ Закона Божія и имѣющимъ, по крайней мѣрѣ, должествующимъ имѣть по своему содержанію особенно близкое и важное значеніе въ религіозно-нравственной жизни питомцевъ, необходимы существенныя перемѣны въ программахъ преподаванія, въ выборѣ матеріала, распредѣленіи его и самомъ способѣ преподаванія... Учебники должны быть замѣнены новыми и во всякомъ случаѣ тщательно пересмотрѣны и переработаны... Въ VII и VIII классѣ вмѣсто христіанскаго „Вѣроученія и правоученія“ (въ сущности, распространеннаго прав. катехизиса митр. Филарета) ввести Христіанскую Апологетику или „Основное Богословіе и Христіанское Ученіе о нравственности въ сопоставленіи съ ученіемъ Корана, Талмуда, философовъ моралистовъ и современныхъ теорій социализма“. Въ видахъ болѣе широкаго и основательнаго знакомства воспитанниковъ съ содержаніемъ религіи и особенно въ области религіозно-философскихъ вопросовъ безусловно необходимо обратить самое серьезное вниманіе на организацію чтенія воспитанниками произведеній религіозно-нравственной и религіозно-философской литературы во внѣклассное время: необходимо образовать бібліотеку по предметамъ, входящимъ въ курсъ Закона Божія изъ

лучшихъ произведеній религіозно-нравственной литературы, которыя бы, обогащая читателей желаемыми познаніями, одновременно съ тѣмъ интересностью своего содержанія и увлекательностью изложенія пробуждали и развивали религіозную настроенность, расположеніе и любовь къ истинамъ вѣры и христіанскаго благочестія. Руководство этимъ чтеніемъ, какъ и завѣдываніе бібліотекой всего цѣлесообразнѣе было бы отнести къ обязанностямъ законоучителя, имѣющаго полную возможность своевременно, примѣнительно къ изучаемому курсу науки и соотвѣтственно потребностямъ, степени развитія и пониманія учениковъ, указывать и рекомендовать полезныя и необходимыя книги, какъ и провѣрять результаты самаго чтенія.

Для пользы дѣла желательно было бы расширить программу по философіи, чрезъ внесеніе въ нее философскихъ теорій, пользующихся наибольшимъ уваженіемъ и вліяніемъ на молодое поколѣніе въ настоящее время и особенно теорій о нравственныхъ принципахъ человѣческой дѣятельности...

Нахожу непосильными для себя дальнѣйшія разслѣдованія по данному вопросу, требующія специальныхъ знаній и продолжительнаго досуга. Небезполезно, думаю, привести здѣсь лишь нѣкоторыя извлеченія изъ проповѣди извѣстнаго философа-богослова архіепископа Никанора, произнесенной въ церкви уфимской м. гимназіи. „Въ основу обученія у насъ, говоритъ проповѣдникъ, кладется такъ называемое классическое образованіе. Я самъ получилъ такое образованіе и вмѣстѣ со всею образованною Европою принадлежу къ числу его сторонниковъ. Но что такое

классическое образованіе здѣсь въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ? Это—изученіе, допустимъ, лучшихъ отрывковъ, лучшихъ сочиненій, лучшихъ писателей, за исключеніемъ однако же философовъ, древнихъ языческихъ Греціи и Рима до эпохи пришествія на землю Господа нашего Іисуса Христа. Изученіе не во всѣхъ отношеніяхъ, а только въ грамматическомъ, филологическомъ, эстетико-риторическомъ и историческомъ, но не въ философскомъ. Прошедшему курсъ такого образованія дается ученой корпораціей аттестатъ зрѣлости, который служитъ свидѣтельствомъ, что такой-то молодой человѣкъ зрѣло изучилъ все то, что нужно знать созрѣвшему образованному гражданину... Я никогда не понималъ, хотя и привыкъ размышлять, какимъ это образомъ юноша, прошедшій такую узкую программу, можетъ быть сочтенъ созрѣвшимъ для жизни, для выполненія жизненныхъ задачъ, для борьбы съ современной умственной заразой, которая грозитъ растлить все исторически сложившееся міросозерцаніе христіанскаго человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ сгноить и всѣ устои христіанскаго общественнаго строя. Насколько мнѣ понятно дѣло, корень современной умственной заразы прячется въ философскомъ сводѣ выводовъ современной естественно-исторической науки. Не понятно же, почему изъ программы исключено именно преподаваніе философіи? И не только философіи, но и психологіи? Какъ можно понимать современныя философскія направленія, большею частью совершенно разрушительныя, какъ бороться съ ними, не имѣя ни малѣйшаго разумѣнія въ исторіи философіи? Какъ юношѣ отстоять наслѣдованное отъ отцовъ міросо-

зерцаніе, на которомъ зиждется наслѣдованный же отъ отцовъ общественный строй, міросозерцаніе, которое расшатываютъ со всѣхъ сторонъ вѣтры, дующіе теперь по всѣмъ улицамъ и стогнамъ не только градовъ, но уже и весей,—когда онъ и не слыхалъ, что такое философія исторіи и христіанская апологетика, когда онъ изучалъ Законъ Божій по программѣ, напечатанной для дѣтей? Зачѣмъ изъ русской классической программы строго исключено изученіе всего не языческаго, исключено — странно, не говорю страшно, сказать — чтеніе въ подлинникъ мірообразовательной книги Новаго Завѣта? Почему благотворнѣе изучать узконаціональныя филиппики Демосфена или катилинады Цицерона, чѣмъ прочитать на эллинскомъ языкѣ имѣющія всемірное и высоко художественное значеніе пророчества Исаи противъ нравственнаго растлѣнія всего міра, или же прочитать въ подлинникахъ „О градѣ Божіемъ“ — Августина, нѣкоторыя рѣчи Златоуста и другихъ отцовъ церкви, обладающія первоклассными литературными достоинствами и міровою всеобъемлемостью? Или мы боимся, какъ бы наши латинисты и эллинисты не стали писать по-гречески и по-латински съ недостатками эллинской рѣчи Златоуста и латинской Августина, безъ чистоты рѣчи Демосфена и Цицерона?... Конечно, въ среднемъ учебномъ заведеніи невозможно изучить всю премудрость древности. Здѣсь всѣвается въ юныя души только зерно будущаго образованія. Но это-то и опасно, это-то и прискорбно... Опасна односторонность, прискорбно то, что въ основу классическаго образованія кладется изученіе не многихъ и только языческихъ до-хри-

стіанскихъ образцовъ... А каково это зерно по роду своему, извѣстно. Несомнѣнно, что лучшее въ языческой литературѣ проникнуто языческимъ ядомъ, ядомъ лжи, низости взглядовъ, обоготворенной чувственности, узаконенной неправды, воспѣтаго разбоя; самые порывы къ пустотѣ небесной даже у лучшихъ язычниковъ безкрылы или слабкрылы, самая надежда на правду и милосердіе неба отравлены отчаяніемъ, самая вѣра въ горній міръ поражена гнилью всеразлагающаго скептицизма. Это зерно не можетъ не производить плодовъ по роду своему. О.о. церкви, выросшіе сами на языческой классической литературѣ, не особенно совѣтывали изучать ее современному имъ христіанскому юношеству. А мы въ наше время хотимъ быть предусмотрительнѣе величайшихъ изъ о.о. христіанства, и христіанской цивилизаціи... Да мы считаемъ себя мудрѣе и жестоко платимся за свое мудрованіе"... (Бесѣды и поученія, т. I, стр. 400—404).

3. Весь строй школьной жизни, классная и внѣ-классная дисциплина съ разнообразными правилами, упорядочивающими жизнь и дѣятельность воспитанниковъ—все должно быть одухотворено идеей заведенія и служить средствомъ къ осуществленію имъ своей задачи—воспитать ввѣренное ему юношество „Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу“.

Нѣтъ никакой надобности въ изложеніи правилъ и требованій дисциплины: они извѣстны и съ достаточной полнотой изложены въ правительственныхныхъ распоряженіяхъ... Недоразумѣнія въ послѣднее время возникли лишь относительно побужденій къ испол-

ненію дисциплинарныхъ правилъ—обстоятельство, требующее особеннаго вниманія.

Съ точки зрѣнія идеальной, наиболѣе симпатичной, исполненіе разнообразныхъ правилъ, опредѣляющихъ кругъ религіозно-нравственныхъ обязанностей учащихся, въ частности, ихъ обязанности—ученическія, товарищескія, въ отношеніи къ начальникамъ, учителямъ, воспитателямъ и пр., должно быть дѣломъ сердечной любви, сознанія долга, глубокаго уваженія къ важности и святости закона. Рабскія и наемническія побужденія—страхъ наказаній, ожиданіе наградъ и т. д. здѣсь не должны бы имѣть мѣста; все должно бы совершаться по влеченію любящаго сердца, по совѣсти, по любви къ Богу и людямъ, не подъ вліяніемъ внѣшнихъ какихъ-либо воздѣйствій, а по внутреннимъ мотивамъ и непосредственной иниціативѣ самихъ питомцевъ. Но примѣнимы-ли, осуществимы-ли въ дѣйствительности эти идеальныя благожеланія? Не многіе изъ смертныхъ и далеко не во всякое время, какъ свидѣтельствуешь человѣческій опытъ, способны увлекаться красотой добродѣтели и величіемъ разумаго служенія долгу въ такой степени, чтобы безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій съ любовью исполнять обязанности своего званія и требованія долга. И взрослые, и образованные люди, вполне сознающіе важность и святость лежащихъ на нихъ нравственныхъ обязанностей, высоту и благородство безкорыстнаго исполненія своего служебнаго долга, при всемъ томъ нельзя сказать чтобы не нуждались въ контролѣ, ревизіяхъ, въ указаніяхъ статей уголовного и гражданскаго судопроизводства. И для высокопросвѣщенныхъ „рыца-

рей“ чести, нерѣдко оказываются полезными и необходимыми не только указанія на непріятныя статьи закона, но и примѣненіе ихъ... Даже въ области гигиены и въ предѣлахъ обычной житейской морали, когда дѣло идетъ о собственномъ и общественномъ здоровьѣ, объ исполненіи всѣмъ извѣстныхъ и безусловно полезныхъ правилахъ вѣжливости, почтительности и т. п., нерѣдко, при полномъ сознаніи ихъ полезности и необходимости, безъ серьезныхъ и внушительныхъ воздѣйствій — понужденій, приказаній, принужденій невозможно достигнуть желаемыхъ результатовъ. Не видится достаточныхъ основаній для предположенія, чтобы неопытное дѣтство, легкомысленное отрочество, юношество составляли исключенія и не имѣли надобности во внѣшнихъ мотивахъ къ исполненію своего долга и своихъ обязанностей. Усиленные попытки построить систему воспитанія на предположеніи — „все прекраснымъ выходитъ изъ рукъ Творца и все уродуется въ рукахъ человѣка“ показали полную несостоятельность надеждъ достигнуть добрыхъ результатовъ въ воспитаніи, предоставивъ дѣтей „природѣ“ и освободивъ ихъ отъ „развращающаго насилія“ человѣческаго общества. Природа дѣтей не *tabula rasa*, тѣмъ болѣе — не центръ однихъ только добрыхъ задатковъ и силъ, а поле, засѣянное наряду съ добрымъ сѣменемъ и разнообразными наслѣдственными плевелами — не добрыми задатками, предрасположеніями, влеченіемъ ко злу и затѣмъ, въ большей или меньшей степени развивавшимися и укореняющимися подъ вліяніемъ семьи, окружающей среды, школьнаго и не школьнаго товарищества, знакомства съ литературой, дурными

привычками, наклонностями, привязанностями, симпатіями, антипатіями. Не легкое дѣло воздѣлывать и осѣмнять духовное поле добрымъ сѣменемъ, насаждать и укоренять добрые навыки, привычки, воспитывать любовь къ истинному, доброму, прекрасному, но работа осложняется и дѣло затрудняется въ громадной степени, когда вмѣстѣ съ положительными задачами одновременно представляется необходимость преслѣдовать и другія цѣли—ослаблять и искоренять дурныя привычки, привязанности, страсти, порочныя наклонности, предохранять отъ дурныхъ вліяній то-товарищества, развращающей литературы и т. д.

Никто, кажется, не оспариваетъ настоящей необходимости систематичнаго примѣненія соотвѣствующихъ средствъ, не исключая строгихъ и суровыхъ, для возстановленія и укрѣпленія разстроеннаго физическаго здоровья, для излѣченія тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней, особенно эпидемическихъ, заразныхъ, угрожающихъ серьезными опасностями здоровью и жизни другихъ. Подъ опасеніемъ большихъ непріятностей имѣющіе право и власть съ полнымъ убѣжденіемъ въ разумности своихъ дѣйствій побуждаютъ, заставляютъ, принуждаютъ кого слѣдуетъ въ точности исполнять данныя распоряженія и безотлагательно примѣнять мѣры, признанныя полезными для предупрежденія заразы и борьбы съ ней...

Нельзя отрицать права и необходимости для родителей, какъ и для воспитателей, систематически воздѣлывать на своихъ питомцевъ-дѣтей, въ той или иной степени обыкновенно больныхъ и не здоровыхъ, соотвѣстственными средствами, руководить,

вразумлять, наставлять, врачевать, предостерегать, убѣждать, понуждать, заставлять и въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія мѣры оказываются недѣйствительными, принуждать къ охраненію своего физическаго и духовнаго здоровья, къ надлежащему исполненію требованій школьной дисциплины, своего долга и обязанностей. По какому-то недоразумѣнію эти права ограничиваются и даже совсѣмъ оспариваются лишь въ отношеніи религіозныхъ обязанностей.

Начальникъ, учитель, воспитатель долженъ и обязанъ не только располагать, но и пріучать, понуждать, настоятельно приказывать, требовать отъ учениковъ должнаго исполненія обязанностей ученическихъ, товарищескихъ, въ отношеніи къ начальникамъ, наставникамъ — быть вѣжливыми, деликатными, благодарными, почтительными, преодолевать свое нерадѣніе, лѣность, свои дурныя привычки и наклонности, подчинять свою волю идеѣ долга, свои личные эгоистическіе интересы высшимъ интересамъ, общему благу... Уговаривая, убѣждая, понуждая, заставляя питомца быть благодарнымъ къ другимъ за всякую услугу, ничтожное одолженіе, просить извиненія и прощенія за всякую неловкость, безпокойство, за кажущееся даже нарушеніе чужихъ правъ, испрашивать позволеніе на пользованіе ничтожной собственностью, — наставникъ, говорятъ, не долженъ, не имѣетъ права дѣйствовать подобнымъ образомъ, примѣнять настоятельныя, понуждающія мѣры въ области религіозной... Здѣсь, согласно вѣяніямъ послѣдняго времени, питомцамъ школы должна быть предоставлена свобода; исполненіе религіозныхъ обязанностей — дѣло совѣсти человѣка...“

Такимъ образомъ, важнѣйшія, первѣйшія христіанскія обязанности въ отношеніи къ Богу, для воспитанниковъ оказываются „необязательными“... и это въ христіанскихъ школахъ, преслѣдующихъ высокую задачу: воспитывать юношество „Создателю во славу, церкви и отечеству на пользу“... Обязанные исполнять свой долгъ въ отношеніи къ своимъ ближнимъ, воспитанники по своему усмотрѣнію, по своему произволу, безнаказанно могутъ и имѣютъ право нарушать лишь свой долгъ въ отношеніи къ Богу; обязанные быть почтительными, вѣжливыми, благодарными въ отношеніи къ земнымъ начальникамъ, учителямъ, благодѣтелямъ, питомцы школы получаютъ право быть непочтительными, грубыми, неблагодарными, дерзкими въ отношеніяхъ къ Вседержителю Богу, Творцу и Спасителю міра, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, Которому люди обязаны своею жизнью, всѣми благами, предъ безконечными совершенствами Котораго и величіемъ ниспосылаемыхъ Имъ даровъ, все человѣческое — и власть, и имущество, и благодѣянія, и дары — одинаково жалки и ничтожны... Освобожденіе отъ обязательнаго посѣщенія Богослуженія въ воскресные дни, предоставленіе воспитанникамъ права поступать „по усмотрѣнію своей совѣсти“, „по желанію“ — не есть ли со стороны школы поощреніе непочтительности неуваженія къ Божественной заповѣди о почитаніи воскреснаго дня и самого Законодателя? Узаконять произволъ по отношенію къ молитвѣ утренней и вечерней, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда и пр. не значитъ ли поощрять грубость и неблагодарность къ Богу — подателю всѣхъ благъ?..

Подобная постановка педагогического дѣла вполне естественна и разумна въ школахъ, чуждыхъ всякой религіозности, гдѣ воспитанники—дѣти родителей съ атеистическимъ образомъ мыслей или близкимъ къ тому; но она—явленіе безусловно ненормальное въ школѣ христіанской, преслѣдующей извѣстныя уже намъ высокія христіанскія задачи.

По ученію христіанской вѣры и христіанской философіи, нравственный законъ, опредѣляющій отношенія и обязанности человѣка къ Богу и ближнимъ, прирожденъ человѣку, творческимъ всемогуществомъ напечатленъ въ сердцахъ людей. Содержаніе этого закона, возвѣщаемаго совѣстью, съ ясностью и желаемой полнотой изложено въ книгахъ Святыхъ Пророковъ и Апостоловъ. Всѣмъ извѣстны заповѣди закона Моисея, данныя на Синайской горѣ, всѣмъ извѣстенъ и отвѣтъ Спасителя на вопросъ законника: „Кая заповѣдь больше есть въ законѣ? *„Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумніемъ твоимъ. Сія есть первая и наибольшая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“* (Матѣ. XXII, 37—41). Освободить человѣка отъ обязанностей, возложенныхъ на него Богомъ, сдѣлать для него необязательными требованія прирожденного нравственного закона, дозволить ему безнаказанно нарушать Богодарованныя заповѣди—кто имѣетъ на это право? Кто властенъ сказать человѣку, что первая и наибольшая заповѣдь о любви къ Богу—менѣе для него важна и обязательна, чѣмъ вторая заповѣдь, подобная лишь первой, о любви къ ближнему? Кто силенъ отмѣнить и сдѣлать необя-

зательными прирожденные человѣческому духу законы и формы разсудочной дѣятельности и поставить вмѣсто нихъ человѣческій произволъ? Да и разумно-ли, полезно-ли, желательно-ли волю Божественную подчинять волѣ человѣческой, законъ природы — капризамъ и прихотямъ дѣтскаго легкомыслія? „Помни день субботній, еже святити его...“ говоритъ Господь... „Не приѣмши имени Господа Бога твоего“... Не сотвори себѣ кумира“ и т. д., а питомецъ съ своей стороны, съ разрѣшенія и одобренія начальства съ рѣшительнымъ намѣреніемъ убѣдить даже своихъ недоумѣвающихъ родителей, самоувѣренно заявляетъ — „это необязательно“... „это не требуется“... „это не нужно, потмѣнено“... И представленный самому себѣ и своему усмотрѣнію будетъ поступать, какъ ему вздумается: и во дни, посвященные на служеніе Богу, съ сознаніемъ своей правоты, отправится вмѣсто храма на бульваръ, въ концертъ, на вечеръ, на сеансы „Свободной любви“, „Общества огарковъ“, „Пива и воли“ и т. д. Будетъ-ли все это соотвѣтствовать основной идеѣ заведенія и преслѣдуемымъ имъ воспитательнымъ задачамъ? Совпадетъ ли это съ желаніемъ родителей, довѣрившихъ заведенію своихъ дѣтей и не вызоветъ-ли съ ихъ стороны справедливыхъ упрековъ?...

При взглядѣ на христіанскій Богооткровенный законъ, какъ совершеннѣйшую истину, освѣщающую путь жизни, достойной человѣка, главнѣйшей задачей школы должно быть не только преподавать и выянить воспитанникамъ ученіе Христово, но вмѣстѣ и приучить ихъ, насколько возможно, къ исполненію христіанскихъ заповѣдей, чтобы жизнь, согласная съ

требованіями христіанскаго закона, была для них дѣломъ привычнымъ. Привычки и навыки вездѣ и во всемъ имѣютъ громадное значеніе въ жизни, какъ въ умственной, такъ и въ нравственно-религіозной. Изъ всего, что дѣлается людьми, дѣлается по привычкѣ. Всѣ положительныя и отрицательныя качества человѣка: его добродѣтели и пороки — въ основѣ своей установившіяся привычки, выработавшіяся чрезъ упражненія, чрезъ повторяемость соотвѣтственныхъ дѣйствій. Вѣжливость, скромность, осторожность, услужливость, внимательность, прилежаніе, аккуратность и исполнительность въ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, всѣ эти симпатичныя особенности человѣческаго характера, какъ и противоположныя: невѣжливость, грубость, нерадѣніе, небрежность и пр. — результатъ цѣлаго ряда сознательныхъ дѣйствій, совершившихся подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ. Много времени и усилій должно быть употреблено, чтобы пріучить питомца къ опрятности, вѣжливости, къ порядку въ распредѣленіи времени занятій и пр.; еще болѣе усилій и энергическихъ воздѣйствій потребуется, чтобы пріучить его къ самообладанію, терпѣнію, выносливости. Не мало придется ему испытать непріятностей, огорченій, истѣсненій, понужденій, приказаній, требованій, а потомъ и въ разныхъ формахъ наказаній, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ.

Не безъ труда, не безъ огорченій и скорбей пріобрѣтаются и успѣхи въ жизни духовной, религіозной. Опытъ человѣческой жизни ясно свидѣтельствуешь, что никакая способность человѣка не обра-

зуется, никакое знаніе не пріобрѣтается, никакой успѣхъ не достигается безъ того, чтобы человѣкъ не впрягъ себя въ какое-нибудь ярмо, не понесъ какого-нибудь бремени. Чтобы научить отрока грамотѣ, не отягчаютъ-ли его бременемъ часто непонятныхъ для него книгъ, не принуждаютъ-ли его цѣлые дни твердить буквы и слова? Что сказать о высшемъ образованіи? Цѣною какихъ усиленныхъ трудовъ, мучительныхъ тревогъ, безпокойствъ, безсонныхъ ночей пріобрѣтается оно! Странно было бы думать, что легче научить человѣка добродѣтели, нежели грамотѣ, легче научиться искусству жить по-христіански, чѣмъ по вкусамъ и требованіямъ міра сего^{*)}. И тамъ, и здѣсь необходимъ трудъ продолжительный, усиленный и далеко не всегда добровольный... Чтобы вызвать этотъ трудъ, поддержать его въ извѣстномъ направленіи, сдѣлать наиболѣе цѣлесообразнымъ и производительнымъ, какъ въ воспитаніи физическомъ, такъ и духовномъ — умственномъ, эстетическомъ, какъ и нравственно-религіозномъ, необходимо разумное руководство, наставленія, вразумленія, убѣжденія, приказанія, требованія, понужденія, и, быть можетъ, въ рѣшительныхъ и настоятельныхъ формахъ... Серьезность воспитательныхъ отношеній, благоразумная настойчивость и различнаго рода мѣры понужденія къ исполненію воспитанниками долга въ области религіозно-нравственной дѣлу не повредятъ, а принесутъ существенную пользу, какъ они и дѣйствительно оказываются полезными во всѣхъ отрасляхъ педагогической дѣятельности, какія бы цѣли

*) Слова Митрополита Филарета.

она ни преслѣдовала, физическое-ли здоровье, или здор-
овье духа, ума, сердца, воли, нравственности, религіи...
Серьезная, достойная важности предмета поста-
новка религіозно-нравственнаго воспитанія будетъ
болѣе гармонировать съ воспитательными цѣлями
заведенія, будетъ болѣе соответствовать министер-
скимъ правиламъ (доселѣ не отмѣненнымъ), равно
какъ и ожиданіямъ родителей, въ простотѣ сердца
думающихъ что въ учебныхъ заведеніяхъ дѣти учатся
страху Божію, исполненію закона, послушанію, а не
своеволію; что гимназіи, институты, реальныя учи-
лища и др. остаются вѣрными своему назначенію, и
не на словахъ только, но и въ дѣйствительности
стремятся воспитывать дѣтей „во славу Создателя,
родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на
пользу“.

Основные мысли доклада могутъ быть выражены
въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Современные смуты и нестроенія выдвигаютъ
на первый планъ вопросъ о религіозно-нравственномъ
воспитаніи и образованіи молодыхъ поколѣній.

2. Учебныя заведенія могутъ и нравственно обя-
заны воспитывать, просвѣщать и утверждать ввѣрен-
ныхъ ихъ попеченію дѣтей въ духѣ истины, добра
и правды, и въ лицѣ своихъ питомцевъ подгото-
влять достойныхъ дѣятелей на пользу церкви и оте-
чества.

3. Осуществленіе этихъ цѣлей условливается
единствомъ всѣхъ воспитательныхъ и образователь-
ныхъ средствъ, строгой согласованностью ихъ между
собою и съ идеей заведенія, а потому:

4. Составъ служащихъ лицъ, начальствующихъ

учащихъ и воспитывающихъ, при единствѣ убѣжденій въ принципиальныхъ религіозно-философскихъ вопросахъ воспитанія, долженъ быть одушевленъ искреннимъ желаніемъ: словомъ и дѣломъ содѣйствовать осуществленію заведеніемъ его высокихъ цѣлей.

5. Науки, преподаваемые въ учебномъ заведеніи, должны составлять строго обдуманную систему знаній, объединенныхъ въ одно стройное цѣлое. Въ послѣднихъ своихъ выводахъ и обобщеніяхъ, во всей цѣлостности, должны образовать въ сознаніи питомцевъ прочно обоснованное и вполне удовлетворяющее потребностямъ пытливаго разума христіанское міросозерцаніе, безусловная необходимость котораго съ особенною ошутительностью сознается въ настоящее время въ виду современной анархіи въ умственной жизни, религіознаго индифферентизма и нравственной распушенности.

Существующая организація учебнаго дѣла въ школахъ не можетъ быть признана удовлетворительной:

6. Учебныя заведенія не даютъ убѣжденій своимъ питомцамъ и не сознаютъ своего долга помочь юношеству въ дѣлѣ выработки міросозерцанія и прочнаго обоснованія христіанскихъ воззрѣній, съ какими оно является въ школу.

7. Науки, рассматриваемыя въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, лишены внутренней связи и совершенно чужды объединяющей религіозно-философской идеи, при этомъ въ отношеніи своего содержанія и изложенія безцвѣтны, индифферентны, космополитичны. И то и другое несовмѣстимо съ задачами

христіанской школы, ослабляетъ, парализуетъ и дѣ-
лаетъ даже невозможнымъ благотворное вліяніе
школы на складъ мыслей и религіозно-философскихъ
убѣжденій учениковъ.

8. Интересы дѣла требуютъ, чтобы, при общности
религіозно-философскихъ принциповъ, объединяю-
щихъ школьныя науки въ стройную цѣльную систему,
каждая изъ нихъ (естествовѣдѣніе, физика, космо-
графія, исторія, словесность, географія, психологія,
логика и пр.) должна вносить соотвѣтствующій,
цѣлесообразный и вполне обдуманый вкладъ въ
формирующееся міросозерцаніе учащихся, что и при-
даетъ послѣднему полноту, основательность и твер-
дость.

6. Въ цѣляхъ наибольшей плодотворности ра-
боты, необходимо тщательно пересмотрѣть изучаемые
въ средней школѣ курсы наукъ, программы, учеб-
ники, и, соотвѣтственно указываемой задачѣ школь-
наго образованія (выработкѣ міросозерцанія), из-
лишнее, несогласное въ нихъ съ существомъ дѣла
устранить, недостающее восполнить, начиная съ
программъ, методовъ преподаванія и учебныхъ ру-
ководствъ по предмету Закона Божія.

10. Въ VII и VIII кл., вмѣсто существующихъ
руководствъ, ввести „Христіанскую Апологетику“
или „Основное Богословіе“ и „Христіанское ученіе о
нравственности въ сопоставленіи съ нравств. ученіемъ
Корана, Талмуда, знаменитыхъ философовъ-морали-
стовъ и современныхъ теорій социализма“.

11. Въ видахъ болѣе широкаго и основательнаго
знакомства воспитанниковъ съ истинами вѣры и
болѣе основательнаго воздѣйствія на ихъ убѣжденія,

необходимо обратить самое серьезное вниманіе на организацію чтенія учащимися религіозно-нравственной и религіозно-философской литературы во внѣклассное время и соотвѣтственной библіотеки, поручивъ и то и другое — и организацію чтенія и наблюденіе за библіотекой — о.о. законоучителямъ.

12. Дисциплина школы и весь строй школьной жизни должны быть взаимно согласованы и одухотворены идеей заведенія и служить средствомъ къ осуществленію имъ своей задачи: „воспитывать юношество Создателю во славу, родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу“.

13. Исполненіе религіозныхъ обязанностей воспитанниками не можетъ быть разсматриваемо, какъ „дѣло совѣсти учащихся“ и предоставлено ихъ усмотрѣнію: и въ религіозномъ воспитаніи, какъ и при воспитаніи умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ, со стороны школы въ отношеніи къ воспитываемымъ необходимо руководство, вразумленіе, пріученіе и разнообразныя мѣры нравственнаго воздѣйствія, мѣры убѣжденія, понужденія, не исключая, въ крайнихъ случаяхъ, рѣшительныхъ и строгихъ.

2010517390